

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ШКОЛЕ:

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Круглый
стол

В рамках подготовки этого тематического номера редакция провела круглый стол по проблеме толерантности в современной школе. В разговоре приняли участие доктор психологических наук, профессор Николай Евгеньевич Веракса, кандидат психологических наук Игорь Борисович Гриншпун и главный редактор «Школьного психолога» доктор психологических наук, профессор Игорь Викторович Вачков.

И.В. Еще несколько лет назад слово «толерантность» ежедневно звучало из телевизора, из уст чиновников разных уровней и на каждой научной конференции, посвященной проблемам образования. Сейчас это слово встречается значительно реже. То ли проблема чудесным образом разрешилась, то ли в современном обществе толерантность оказалась мало востребована. Мне все-таки кажется, что проблема никуда не делась и стоит еще более остро, чем раньше. В системе образования, в деятельности практического психолога вопросы, связанные с толерантностью, возникают практически ежедневно, и эти вопросы нельзя замалчивать.

И.Г. Сначала определимся с тем, что такое толерантность. Этот термин вошел в обиход в рамках деятельности ЮНЕСКО. Его значение на протяжении некоторого времени сильно менялось. Изначально толерантность понималась как устойчивость к внешним воздействиям: в биологии она определяется именно так. В контексте более поздних научных высказываний толерантность стала пониматься как терпимость. Но я бы категорически возражал против трактовки толерантности как терпимости. Получается, что это качество, характеризующее примерно такую позицию человека: «Вот ты — дрянь и негодяй, но я, так и быть, это потерплю». С моей точки зрения, толерантность — это понятие двуполярное: на одном полюсе оно означает открытость и готовность к принятию чего-то и к изменению в соответствии с этим. Впрочем, до определенного предела. На другом полюсе — тот предел, за которым мы начинаем существенно меняться; этот диапазон, это пространство и определяет собственно толерантность: где я готов принимать другого и изменяться — и где я не буду этого делать, потому что это кардинально меняет меня, меняет меня *сущностно*.

Н.В. В каком-то смысле я согласен с Игорем Борисовичем в том, что нужно различать понятия толерантности и терпимости. У нас, когда вводится новое понятие, оно сразу поляризуется, и возникают крайние интерпретации, причем эти интерпретации присутствуют в средствах массовой информации. В одном смысле толерантность рассматривается как беспредельная терпимость в поле культурного взаимодействия. И тогда толерантность — это предоставление пространства для другой культуры. Но что это значит? Означает ли это необходимость сократить свое пространство или трансформировать собственную культуру?

И здесь мы встречаемся с крайними позициями. Одна позиция: толерантность — это вообще надуманное понятие. Ведь существуют нормы и правила проживания на той или иной территории. И если человек принимает эти нормы и правила, то тогда мы будем к нему толерантны — пока он исполняет ту роль, которую мы ему отводим. Но при этом мы заранее предполагаем, что есть некоторая система ролевого поведения. В качестве примера: мы приглашаем кого-то в гости к себе домой и вроде бы проявляем к нему толерантность. Но если он выходит за пределы наших представлений о том, как должен вести себя человек в гостях, то мы начинаем демонстрировать интолерантность.

В чем же состоит сама проблема толерантности? Если человек нарушает правила, которые мы установили, и мы начинаем применять санкции — это что, толерантность или не толерантность? Сторонники этой позиции говорят: возьмем какое-либо государство — Китай, Соединенные Штаты или любое другое, в котором действует система законов. Нарушитель закона в любом государстве подвергается санкциям. У нас же часто понятие толерантности приобретает другой смысл: толерантность — это непри-

менение санкций в отношении человека, нарушающего определенные нормы. Тогда в рамках этой позиции оказывается, что толерантность является лишним понятием, оно не нужно для регулирования взаимоотношений людей. Получается, что проблема толерантности растворяется в проблеме законности.

Другая крайняя позиция в понимании толерантности встречается, например, у Достоевского, который говорит, что с немцами я немец, с французами француз, с итальянцами итальянец и тем самым я являюсь русским. Здесь происходит некая потеря идентичности в смысле некоего слияния с идентичностью другого.

И.Г. Можно вспомнить марсианина у Брэдли, который преображался в соответствии с ожиданиями. Тут возникают два способа толкования: либо это крайний конформизм, либо это и есть его — марсианина — суть, его идентичность.

И.В. Это и есть проявление толерантности?

И.Г. Крайний предел. Предельная открытость, за которой могут скрываться две разные вещи: утрата идентичности либо, наоборот, идентичность особого типа.

И.В. В настоящее время, по вашему мнению, проблема толерантности является актуальной? Или она надуманна?

И.В. Проблема актуальна. Она приобретает, на мой взгляд, межкультурный, межэтнический, межконфессиональный характер — в этом ее острота. Каждый этнос в нашей стране претендует на свое культурное пространство. И в этой ситуации нужно найти способы договориться о межкультурном взаимодействии. Нужно строить общее пространство и соблюдать общие нормы. А сейчас пока, как мне кажется, мы живем в ситуации охраны территории. Границы стали открытыми, и в эти границы сразу стали поступать различные «содержания». Можно говорить, в частности, и о содержании средств массовой информации.

Проблема толерантности возникает не только тогда, когда один человек как-то взаимодействует с другим человеком, но и в ситуации вообще представления информации. Например, в СССР тема секса в СМИ никогда не обсуждалась: она выходила за пределы области толерантности. В наши дни эта тема является на экранах телевизоров едва ли не главной. То есть средства массовой информации стали толерантными к этой проблематике, готовыми предоставить пространство для нее. Тут же мы сталкиваемся с проблемой сопротивления этой проблематике. Мне кажется, до тех пор, пока мы не договоримся об общих правилах, по которым то или иное содержание принимается обществом или им отвергается, проблема толерантности будет оставаться актуальной.

И.В. Читатель нашей газеты — это психолог образования. И он оказывается как раз на перекрестке разных мнений о толерантности, где он должен принимать конкретные практические решения о том, как ему поступить. Простой пример: в детском сообществе, с которым психолог работает, оказываются дети разных национальностей, обладающие разными поведенческими стереотипами, разным менталитетом. Одна из его задач — каким-то образом разрешить возникающие противоречия. Как же ему быть в такой ситуации? Что такое толерантность в этом случае?

И.В. Я приведу пример из собственной практики. В одном дошкольном учреждении мы столкнулись с такой ситуацией. У мальчика начал развиваться невроз. Воспитатель детского сада постоянно говорил детям о необходимости дружить, помогать друг другу, заботиться о товарищах. В течение дня мальчик чувствовал себя хорошо и комфортно, но ближе к вечеру начинал плакать. Выяснилось, что жесткий отец мальчика в свою очередь давал ему совершенно другие установки. Он каждый день спрашивал его: «Ты доказал свое превосходство над другими? Ты сумел постоять за себя?» Мальчик заранее перед встречей с отцом начинал плакать. Ведь он попал в взаимоисключающие области человеческого общения, подразумевающие совершенно разные нормы взаимодействия.

Говорить о толерантности можно и нужно в том случае, когда две стороны стремятся к согласию. А когда одна сторона не готова меняться, то вторая сторона оказывается в очень трудной ситуации. Ведь толерантность — это взаимодействие. И взаимодействие предполагает некоторую идентификацию с партнером и взаимное уважение к ценностям и нормам другого. Мне кажется, говоря о толерантности, мы можем ставить задачу установления такого партнерства, но это не значит, что мы должны изменяться в соответствии с жесткой позицией другого человека.

И.В. Получается, что толерантность — это как минимум двусторонний процесс, а вовсе не качество одного человека, вступающего во взаимодействие?

И.В. Я бы сказал так: мы не можем оценивать толерантность с позиций только одной из сторон. Я считаю принципиально неверным мнение, когда о людях говорят: вот этот человек толерантен, а вот этот нетолерантен. Толерантность — это характеристика системы взаимодействия.

И.Г. Я не вполне согласен в этом вопросе с Николаем Евгеньевичем. Я полагаю, что толерантность как личностная характеристика — вполне употребляемое понятие: как, скажем, один человек может быть более эмпатичен, другой — менее эмпатичен. Но если рассматривать толерантность как явление — согласен, это некое системное событие.

И.Г. Когда мы говорим о толерантности как о готовности к движению навстречу, к развитию — да, конечно, это личностная характеристика. Но мы все время переходим от феномена толерантности к толерантности как некоему качеству или свойству. Если мы говорим о феномене толерантности, нужно учитывать — а практически психологам в особенности — саму ситуацию и все стороны, участвующие во взаимодействии. Потому что нельзя требовать толерантности одного, игнорируя интолерантность другого.

И.Г. С этим я согласен. Что касается дошкольников, то, по-видимому, субъективной толерантности у них вообще не может быть — если, например, вспомнить о феномене эгоцентризма. С моей точки зрения, любая система имеет две тенденции — тенденцию к инкапсулированию и тенденцию к развитию, расширению. Эта диада и определяет, что такое толерантность с позиции субъекта: я могу развиваться, только принимая какие-то новые нормы. А откуда они берутся? Из культуры.

Таким образом, развивая свои культурные нормы, я расширяю свое пространство. И при этом интуитивно заданная мера самости не может, не должна быть разрушена. В пространстве норм есть нормы, сформированные семьей, и я должен вести себя в соответствии с ними. Обычно для ребенка эти нормы иррациональны. Но здесь все же движение может идти и по такому пути. Человек задается вопросом: «А откуда эта норма? Чем она обоснована?» Когда мы задаем себе такие вопросы, мы начинаем понимать, что существуют иного порядка нормы, и мы поднимаемся в некую метапозицию по отношению к собственным нормам — то есть с моментом рефлексии. А дальше — собственно выбор: каким путем я иду? Здесь неизбежно сомнение. Проявляется диалектичность по отношению к миру и к себе, но без утраты нравственно-содержательной позиции.

Н.В. Если говорить о толерантности с позиций диалектики, то толерантность — это допущение иного. Но тут есть тонкость: иное может быть свое, а может быть чужое. «Свое иное» связано с саморазвитием. «Чужое иное» может перестраивать человека целиком и даже разрушать его, потому что оно может ненавязчиво подменить всю систему его идентификации. В этом смысле существует внутренняя глубинная оценка этого «чужого иного», и она никогда не бывает однозначной, то есть мы не можем сказать, что нужно быть к «чужому иному» толерантным, потому что «чужое иное» в одном случае открывает для нас направление развития, а в другом случае его просто закрывает. Это очень четко проявляется в детско-родительских отношениях, когда родители спрашивают ребенка: «Ну, с кем ты сегодня встречался?» Что стоит за этим вопросом? Толерантность или не толерантность? Или просто обеспокоенность?

И.В. В современной российской школе весьма распространены случаи, когда в классе появляется один или несколько детей другой по отношению к большинству учащихся национальности. Или вследствие внедрения инклюзивного образования в класс приходит большой ребенок, может быть, ребенок с умственной отсталостью. Часто в такой ситуации возникает проблема отношения к такому не похожему на других ребенку — не столько даже со стороны одноклассников, сколько со стороны родителей, которые полагают, что совместная учеба с таким ребенком их детям бесполезна, потому что в результате они недополучат знания, внимания учителя и так далее. Родители считают, что в итоге образование их детей пострадает из-за присутствия в классе такого ребенка. Вот в данном случае интолерантность, проявляемая родителями, является оправданной или нет? Может быть, вопрос поставлен жестко, но хотелось бы узнать ваши точки зрения на данную ситуацию.

Н.В. Во-первых, сама система инклюзивного образования не подразумевает включения абсолютно любого больного ребенка в процесс обучения в обычной школе. Поэтому здесь изначально толерантность, скажем так, ограничена. Во-вторых, я считаю, что тревоги родителей в этом случае вполне оправданны, поскольку инклюзия предполагает определенную обеспеченность. Вопрос не в том, будут ли дети страдать, оказавшись в ситуации

необходимости взаимодействия с ребенком, имеющим особенности развития, а в том, будет ли образовательный процесс организован так, чтобы способствовать развитию детей, а не разрушению этого развития.

При указанной выше постановке вопроса маскируется проблема, потому что факт совместного обучения ребенка с особенностями в обычном классе сам по себе недостаточен для каких-то выводов. Ведь для эффективности такого обучения необходимо, чтобы, как минимум, было еще несколько сопровождающих взрослых, способных помочь особому ребенку, например, при решении сложной задачи по математике чувствовать себя включенным в процесс решения, и при этом другие дети занимались бы не чем-то иным, а именно решением задачи по математике.

При этом надо различать пространство взаимодействия детей и предметно-образовательное пространство. Решение задач каждого из этих пространств не должно идти одно за счет другого. Сложность инклюзивного образования заключается не в том, что разные дети оказываются рядом — дети это спокойно переживут, а в том, будет ли при этом сохранен образовательный процесс. Если мы находим оптимальные формы сохранения образовательного процесса, то тогда инклюзия — это хорошо; если нет, то родители вправе опасаться и должны опасаться.

И.Г. Я абсолютно согласен. Я разделяю тревогу родителей в этой ситуации. Она вполне обоснованна и с точки зрения обыденного сознания, и просто в силу беспокойства о своем ребенке и его развитии. Такого типа совместное бытие детей разного уровня — в том числе уровня здоровья — требует особой педагогической системы, особой системы воспитания. Мне кажется, наша система образования к этому пока не готова.

Н.В. Я бы задал еще более жесткий вопрос: а современная система образования — она вообще толерантна к детям? Я считаю, что, если говорить в целом, она какие-то элементы толерантности в себе содержит, но, строго говоря, до тех пор, пока мы не будем учитывать индивидуальные возможности детей, мы будем оставаться вне пространства толерантности. В этом смысле все групповые формы обучения детей страдают недостаточностью толерантности к особенностям субъектов образования — как педагогов, так и учащихся. Сама идея образовательного стандарта интолерантна, но заметим, насколько интенсивно эта идея сегодня муссируется в сфере образования и сколько на это тратится средств.

И.Г. Хотел бы обратить внимание, что в процессе разговора мы вышли в совершенно новое пространство — толерантности системы образования. То есть мы говорим не о проблеме личности, не о проблеме отдельного человека, а о толерантности как системном явлении.

И.В. По-видимому, это системное явление имеет множество сторон и аспектов, которые в дальнейшем еще потребуют обсуждения. Проблема толерантности в образовании еще не нашла решения. И все-таки хочется пожелать всем нам как можно чаще находить возможность быть толерантными.

Подготовил
Игорь ВАЧКОВ